

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра отечественной истории и историографии

**Военнослужащие СВАГ в условиях инокультурной среды:
поведенческие практики, личностное самоопределение и рецепция
Другого.**

Автореферат магистерской работы

студента 2 курса, 263 группы,
направление подготовки 46.04.01 – История (профиль: Исторический
феномен России: государство, общество, регионы),
уровень высшего образования выпускника магистр
Института истории и международных отношений

Власова Алексея Владимировича

Научный руководитель:

доцент,

кандидат исторических наук

А. В. Лучников

Зав. кафедрой:

профессор,

доктор исторических наук

В. Н. Данилов

Саратов, 2019

Введение. Война – один из самых сложных феноменов в истории. Её начало и конец всегда условны, действительны и точны лишь в военно-дипломатическом дискурсе. Деление между миром и войной почти всегда можно применить к государствам, но никогда – к обществам или людям, пережившим войну. Вторая мировая война как самый мощный всплеск взаимной человеческой борьбы за пространства и идеи оставила неизгладимый след в судьбе каждого её участника. Для каждого участника, комбатанта или некомбатанта, наступал решительный момент жизни – осознание и восприятие произошедших событий, переосмысление всех тягот и потерь, созидание будущего после потрясений.

Этот процесс перехода от войны к миру после 1945 года стал важной частью советско-немецких взаимоотношений в XX веке, он создал не только новую модель взаимоотношений – победителей и побежденных, но и новый опыт переживания краха ценностной системы координат немцами, а также опыт утверждения и признания своей системы советскими гражданами. После наступления мира двустороннее восприятие стран определялось негативными стереотипами и образами врагов, обнажавших конфликт конгруэнтности между советским и немецким мирами¹. Эмоциональный фон контактов и особенностей взаимодействия двух государств в этой ситуации представлял собой многокомпонентную амальгаму международных положений не только этих стран, но и остальных участников Второй мировой войны, различных идеологий и проектов будущего, уровней развития обществ, мироощущения и мировосприятия различных акторов.

Отечественная и зарубежная историография изучения деятельности СВАГ и Советской оккупационной зоны (далее – СОЗ) берёт своё начало с момента образования двух германских государств. Представители различных дисциплин предпринимали попытки осмыслить произошедшие события в 1945-1949 гг. с самых разных точек зрения и изложить результаты своих

¹ Тихомиров А.А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945-1961 гг.). М., 2014. С. 8.

исследований зачастую в тенденциозном ключе, сообразно продиктованным реалиям начавшейся Холодной войны.

В историографическом дискурсе изучаемого в данной работе периода можно выделить три этапа по проблемно-хронологическому принципу: 1) 1940-1980-е гг. характеризуются идеологической конфронтацией между учеными капиталистического и социалистического лагерей, ограниченным доступом к архивным документам, выраженной тенденциозностью в интерпретации событий; 2) конец 1980-х – конец 2000-х годов – этап переосмысления событийного ряда, «архивной революции», усилившейся международной научной коммуникацией, расширением проблемного поля (в общей историографии СССР – ревизионизм); 3) с конца 2000-х годов по настоящее время – этап насыщения новыми источниками, «конец больших проектов»² и поиски новых подходов (новый ревизионизм). Стоит отметить, что выделение третьего этапа, органически вытекающего из второго, пока только утверждается в современной историографии, и оба этапа сосуществуют до сих пор.

Впервые проблема межкультурного взаимодействия и восприятия инокультурной среды военнослужащими СВАГ в отечественной историографии была поставлена воронежской исследовательницей Н.П. Тимофеевой³. Некоторые моменты повседневности советских военнослужащих в Германии были затронуты уже упоминавшихся статьях

² «Время больших проектов прошло...» Интервью с В.А. Козловым // Историческая экспертиза. 2017. №2. С. 309-334.

³ См.: Тимофеева Н.П. Германия между прошлым и будущим. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования в 1945-1949 гг. // Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945-1949: Сборник документов. С. 31-49; Она же. Немцы «свои» и «чужие» – в политике СВАГ 1945-1949 гг. // Германия и Россия в судьбе историка: Сб. статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбкина М., 2008; Она же. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945-1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX - XX век: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7-10 июня 2010 года). СПб., 2013; Она же. «Открытие нового мира»: немцы и Германия в памяти российских ветеранов войны 1941-1945 гг. // «Свой-другой-чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. Воронеж, 2014 и др.

Р.Ю. Болдырева⁴. Эти исследователи раскрыли важность данной проблематики, её новизну в историографии. Однако, малые размеры их работ не позволили изучить многие элементы как повседневности сотрудников СВА, так и их восприятия инокультурной среды.

Значительной вехой в изучении проблематики СВА стали культурологические очерки В.А. Козлова и М.Е. Козловой, выполненные в формате журнальных статей, но по своему значению и размерам уже можно приравнять к солидной монографии⁵. Предметом интереса исследователей стала СВА как ««маленький СССР», миниатюрное воплощение советских законов, обычаев, устоев и предрассудков»⁶. Авторы сосредоточили свое внимание на военно-бюрократическом лексиконе военнослужащих, «квартирном вопросе», кадровой политике, партийной жизни и т.д.

После краткой характеристики историографического поля необходимо показать тот экстракт, который характеризует данную работу в этом дискурсивном пространстве и её новизну. Данная работа продолжают

⁴ Болдырев Р.Ю. Повседневная жизнь советских военнослужащих по материалам политуправления СВАГ; Он же. Повседневная жизнь немецкой провинции в условиях Советской оккупации, 1945-1949 гг. (на примере города Галле на Заале).

⁵ Козлов В.А., Козлова М.Е. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945-1949 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. XIV. М., 2013. С. 414-472; Они же. Жилище как трофей: квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945-1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. XVI. М., 2014. С. 375-416; Они же. Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1945-1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М., 2017. С. 368-430; «Время больших проектов прошло...» Интервью с В.А. Козловым; Они же. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945-1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018 [14]. Под ред. М.А. Колерова. Модест Колеров. М., 2018. С. 298-415; Они же. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы. По материалам советской военной администрации в Германии, 1946-1949 гг. / История. Ostkraft. 2018. № 2. С. 5-31; Они же. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945-1949) // История. Ostkraft. Научное обозрение. М., 2018, № 5. С. 130-152.

⁶ Они же. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945-1949 гг.). С. 417.

историографическую традицию, заложенную исследователями Н.П. Тимофеевой, Р.Ю. Болдыревым, В.А. Козловым и М.Е. Козловой, при этом сосредотачивая основное своё внимание на эго-нарративных источниках, ввиду их доступности для автора.

Восприятие реальности важнее самой реальности⁷. Человек прошлого воспринимал мир в особом мифологизированном ракурсе: он создавал свой образ действительности, активно привнося в описание исторических событий собственную систему оценок, осознанно руководствовался только ему присущими нормами или коллективными представлениями, мировоззренческими установками конкретной эпохи.

Объектом исследования являются деятельность и историческое развитие СВАГ во всём её многообразии и сложности. *Предметом исследования* выступают политические, культурные и социальные взгляды, личностное самоопределение советских военнослужащих в условиях инокультурной среды.

Целью исследовательской работы является изучение рецепции Германии и немцев военнослужащими СВАГ (Советская военная администрация в Германии) и их культурно-поведенческие практики в среде, в которой им приходилось работать.

Исходя из этого были поставлены следующие задачи:

1) Изучить сложные формы восприятия вчерашнего врага сегодняшними победителями. Эти вариативные и прихотливые формы социального и духовного диалога обрисовывают структурирование живого симбиоза, просуществовавшего в разных формах на протяжении почти полувека.

2) Рассмотреть пребывание в Германии в качестве катализатора индивидуального самоопределения военнослужащих СВАГ. Данные поведенческие практики и стратегии адаптации обусловили

⁷ См.: Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. New York, 1928. P. 571-572.

самоидентификацию советских граждан в социальном пространстве не только во время службы в Германии, но и после возвращения на Родину.

3) Проанализировать развитие советской субъективности, находившейся в диалоге с доминирующими и периферийными политическими, общественными и культурными институтами и явлениями советской и немецкой действительности.

Тем не менее, следует обозначить следующее положение. Данная работа не базируется на огромном массиве архивных документов, хранящихся в российских и немецких архивах⁸, в виду ограниченных возможностей автора. Привлечение этих источников к исследованию позволит скорректировать многие положения данной работы и, возможно, переосмыслить их. Так же важны и материалы периодической печати, издаваемые в отделах советской администрации: газета для немецкого населения – «Tägliche Rundschau», и для советских военнослужащих – «Советское слово»⁹. К сожалению, автору удалось ознакомиться лишь с некоторыми выпусками, что не позволяет строить многие суждения.

Примером комплексного исследования макромира и микромира военнослужащих в период оккупации с привлечением широкой источниковой базы можно назвать монографию австрийской исследовательницы Барбары Штейцель-Маркс¹⁰.

Хронологические рамки исследования обусловлены коротким промежутком существования СВАГ – с 6 июня 1945 года по 17 ноября 1949 год. Однако под темпоральный фокус также попадает вступление советских войск на территорию Германии и процесс ликвидации администрации.

⁸ См.: Захаров В.В. Серийное издание о деятельности Советской военной администрации в Германии.

⁹ Советская военная администрация в Германии. 1945-1949: справочник. С. 278-281, 302-307.

¹⁰ Stelzl-Marx B. Stalins Soldaten in Österreich: die Innensicht der sowjetischen Besatzung, 1945-1955. Wien; München, 2012.

Территориальные рамки исследования тоже создают удобную почву для изучения этих социокультурных феноменов. Они ограниваются размерами Советской оккупационной зоны в Германии (провинции (Бранденбург, Мекленбург, Саксония-Ангальт), федеральные земли (Саксония и Тюрингия), а также советский сектор Берлина). Тем не менее эмпирический материал требует затрагивать также некоторые аспекты остальных оккупационных зон.

Главной источниковой базой исследования стали источники личного происхождения – мемуары бывших военнослужащих СВАГ. Этот вид источников отражает установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и аутокоммуникации. В них присутствует индивидуальная фиксация общественно значимых событий и сопричастность авторов к ним, что предполагает субъективную оценку, выборочность и возможная неточность в записях, оправдание своих действий и т.д. Эго-нарратив лучше остальных видов источников демонстрирует противоречия между субъективными намерениями людей и объективными результатами их действий. В этих источниках следует отмечать такой элемент необъективности как профессиональная деформации восприятия. Это выражалось в сосредоточении своего внимания на определённых объектах и стремление описать в своих мемуарах именно их.

Ознакомление с мемуарами военнослужащих СВАГ и последующий анализ позволяет их условно разделить на два блока. Первый блок представляет собой мемуары генералов, то есть профессиональных военных, которые преимущественно были опубликованы (или написаны) в советскую эпоху¹¹. По справедливому замечанию Н.П. Тимофеевой, в воспоминаниях

¹¹ Корольков Ю.М. В Германии после войны. Записки корреспондента. М., 1951; Вайс Г.Л. Утром, после войны. М., 1977; Котляр Н.М. Именем закона М., 1981; Тюльпанов С.И. Воспоминания // Новая и новейшая история. 1984. №2, 4; Боков Ф. Е. Весна победы. М., 1985; Колесниченко И.С. Битва после войны. М., 1987; Коваль К.И. На посту заместителя Главноначальствующего СВАГ 1945-1949 гг. // Новая и новейшая история. 1987. № 3; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т.2. М., 2002; Серов И.А. Записки из чемодана: тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016; Котиков А.Г. Записки военного коменданта Берлина. М., 2016 и др.

советских высших офицеров, служивших в составе Советской военной администрации в Германии (СВАГ), нашла свое отражение прежде всего политика СССР в германском вопросе, подчеркивались ее успешность и результативность¹². В дальнейшем после археографических поисков автором были обнаружены также эго-нарративы офицеров среднего и низшего звена¹³.

Во второй блок данного вида источников входят мемуары, опубликованные в постсоветскую эпоху¹⁴. Здесь уже отсутствует идеологическая тенденциозность и цензура. В этих документах акцентируется внимание на собственном «я», присутствует рефлексия и эмоции авторов. Они являются наиболее информативными для нас. Авторы – это выходцы из средних и низших слоев советского населения. В СССР состоялось вытеснение их военного и оккупационного прошлого, игравшего зачастую существенную роль в жизни и судьбе бывших военных после возвращения на Родину и демобилизации¹⁵. Следует отметить, что в нашем распоряжении эго-документы, написанные людьми, привыкшими к журналистской работе и

¹² Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945-1949 гг. С. 345.

¹³ Исабаев К. Последние сутки. Записки работника советской комендатуры. Алма-Ата, 1973; Скоробогатов В.Е. Отгремели залпы. Репортаж через годы. г. Алма-Ата, 1976; Верников С.М. Записки военного переводчика. Свердловск, 1977; Щербань А.М. Демаркационная линия. М., 1988.

¹⁴ Бродский Е.А. Это известно немногим / Мемориальный музе немецких антифашистов. М., 1996; Литвин Г.А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны. М., 1998; Чубинский В.В. Указ. соч.; Тартаковский Б.Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005; Кацева Е.А. Мой личный военный трофей: Повесть о жизни. Спб., 2005; Плимак Е.Г. На войне и после войны (Записки ветерана). М., 2005; Интервью Н.П. Тимофеевой с А.А. Галкиным, декабрь 2007 – январь 2008 // Воронежский институт высоких технологий. Региональный центр устной истории в г. Воронеж; Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009; Из истории деятельности СВАГ: интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А. А. Галкиным / беседовал С.Н. Мудров // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 165-185; Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева) // «Свой-другой-чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции Воронеж, 2014. С. 119-141; Ногаллер А.М. Воспоминания врача о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Рязань, 2016. и др. Полный перечень в Списке использованных источников.

¹⁵ Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945-1949 гг. С.345.

написанию текстов, а также в большинстве своём связавшие свою жизнь с историей или культурой Германии.

При тщательном рассмотрении мемуаров военнослужащих можно отметить ряд особенностей и интересных наблюдений. У каждого военнослужащего СВАГ был свой «радиус обзора». Он зависел от множества факторов, которые накладывали свой отпечаток на восприятие инокультурной среды. Во-первых, это фактор пространства, т. е. там, где находился мемуарист во время службы в СВАГ, каждый регион Восточной Германии обладал своей особенностью и состоянием общества. Во-вторых, это возраст сотрудника, который влияет на то, как он расставляет акценты при описании различных событий в своих воспоминаниях. В-третьих, это должность, которую занимал военнослужащий, она напрямую влияла на то, с кем приходилось ему контактировать¹⁶.

Так же автором к исследованию привлекались архивные документы российских архивов, опубликованные в ходе совместной работы русских, немецких и американских исследователей «Советская военная администрация в Германии (1945-1949): Документы, материалы, исследования»¹⁷. Архивные документы позволяют нам проследить отношение власти к пребыванию советских военнослужащих, реагирование на возникающие проблемы, контроль над жизнью сотрудников в капиталистической стране. Если эго-нарратив делает возможным изучение поставленной проблемы со стороны объекта исследования, то различные директивные документы, отчёты и

¹⁶ Власов А.В. Восприятие инокультурной среды военнослужащими СВАГ в 1945–1949 гг. // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с международ. участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург, 2016. С. 253.

¹⁷ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945-1949: Сборник документов. (По материалам центрального аппарата СВАГ и документам управлений СВА провинций и земель Советской зоны оккупации Германии); Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945-1949: Сборник документов; Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945-1949 гг. Сб. документов; СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945-1949: Сборник документов и др.

докладные записки представляют ту сторону, которая должна была управлять теми процессами, в которых участвовали советские граждане.

Исследование проводилось в соответствии с принципами научной объективности и историзма, а также на таких методах как метод системного анализа, историко-генетический, а также сравнительно-исторический методы.

В своем исследовании автор отталкивался от феноменологического подхода в исторической науке. Так отправной точкой стал тот факт, что «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹⁸. Основатель феноменологической концепции в источниковедении и методологии истории выдвинул тезис «признания чужой одушевленности». Данный постулат означает, что объективно существует некая универсальная связь между познающими субъектами (интерсубъективность у Э. Гуссерля). Существование данного феномена утверждает для нас возможность обмена тем самыми реализованными продуктами человеческой деятельности¹⁹.

Сама же повседневность как предмет философского и исторического анализа впервые стала рассматриваться в феноменологической традиции Э. Гуссерля²⁰. В дальнейшем для нужд социологии гуссерлианская «повседневность» была адаптирована в социальной феноменологии А. Шюца, позже этот подход нашел своё развитие в социальном конструктивизме П. Бергера и Т. Лукмана, тем самым создав стройную концепцию, вошедшую в инструментарий автора настоящего исследования²¹.

Эвристический потенциал данной концепции в приложении к изучению поздней сталинской эпохи был достаточно подробно описан в работах

¹⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 292.

¹⁹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории М., 2008. Медушевская О.М. Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 23-84.

²⁰ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998. С. 253.

²¹ Шюц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С.129-137; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

О.Л. Лейбовича и его школы²². Повседневность, таким образом, включает «совместно разученные *социальные практики* (неважно, будничные или праздничные, ритуальные или рационально-организованные, политические или трудовые, публичные или интимные), *инструменты (средства)*, при помощи которых эти практики совершаются; *пространство*, осваиваемое в ходе этих практик и, вновь подчеркну, их *смысловое наполнение*, побуждающее их к этим действиям и позволяющее различать: хорошо, или плохо это действие исполнено, распределять поступки, вещи и обстоятельства по важности, судить, насколько соответствует окружающий и возделываемый мир общим идеалам» (курсив мой – А.В)²³.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что, исследуя совместное прошлое СССР и Германии, общество двух этих государств вырабатывает язык и образы для конструирования совместного будущего и дальнейшего взаимодействия. На примере СВА и СОЗ, мировосприятии и мироощущении действующих агентов и акторов (данное исследование посвящено только советской стороне, немецкая сторона ждет своего исследователя) можно усмотреть механизмы процессов самоорганизации, когда новые практики и коллаборации создаются заново, трансформируются и творчески адаптируются в результате перекрестного заимствования. Иными словами, на конкретном историко-культурном примере мы можем посмотреть на историю людей, самостоятельно ищущих ответы на универсальные проблемы жизни в уникальных обстоятельствах своего времени.

²² Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения «Время «Веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России», г. Пермь, ноябрь 2008 г. Пермь, 2009. С. 250-265; Лейбович О.Л. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф., Москва, 5-7 дек. 2008 г. М., 2011. С. 161-175; Казанков А.И., Лейбович О.Л. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 3 (38). С. 82-88; Кимерлинг А.С. Указ. соч.

²³ Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи. С. 255.

Структура настоящего исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников.

Основное содержание работы. В первой главе анализируется структура и историческое развитие Советской военной администрации в Германии. Администрация рассматривается как одно из явлений позднего сталинизма, имеющего как присущие ему черты, так и уникальные, вызванные нахождением в инокультурном пространстве. Особое внимание уделяется взаимодействию администрации с западными оккупационными органами и кадровой политике СВАГ.

Во второй главе рассматривается основная проблематика исследования. В ней демонстрируется широкий спектр восприятия действительности Восточной Германии, столь различный по обе стороны межкультурного контакта. На основе многих сюжетов показаны рассуждения и импрессия военнослужащих о другом народе и его отличиях от советского. Эволюция образа Германии и немецкого населения происходила от классового восприятия, значительно мифологизированного, к порой близкому, уже знакомому Другому.

Третья глава в основном посвящена микрокосму сотрудников СВАГ, где уже анализируются последствиями первичной и дальнейшей рецепции и взаимодействия с немецкой действительностью. В ней раскрывается специфика повседневного взаимодействия не только с немецким населением, но и внутри советского мира, волей судьбы разместившегося в Германии. Нюансы отношений с союзниками антигитлеровской коалиции и с столкновение с русской эмиграцией на фоне быстрой интенсификации различных интеракций создавали особые формы социального и культурного диалога.

Заключение. Подводя итог, можно утверждать, что СВАГ не была совершенной структурой, но эмпирическим путём она совершенствовалась и выходила на необходимый уровень для эффективного органа, выполняющего роль правительства. Более того ни одна страна до 1945 года за всю историю не

имела такого опыта «мирной» оккупации и задач, которые были поставлены итогом Второй мировой войны. Советские идеологические структуры не были ни содержательно, ни организационно готовы к успешной идеологической работе в чужой стране с ментально иным народонаселением. Для подобной работы надо заранее готовить кадры.

Взаимное отдаление как союзнических администраций, так и сил, стоящими за ними стало лишь вопросом времени и остротой происходящих событий. Наиболее отрицательной характеристикой процесса реализации советского курса в Германии явилось вытеснение перспективного планирования импровизированными и спонтанными реакциями на конфронтационные и провокационные акции западной стороны, которая занимала выгодные позиции и стремилась использовать все свои возможности для нейтрализации советского влияния в послевоенной Европе.

Восприятие образное всегда предшествует логическому. Более того, эти первые образы дольше удерживаются в сознании, чем логические построения, вытесняемые позднее более основательными концепциями. Находясь в плену своих эмоций, сотрудники СВАГ фиксировали в своём сознании и памяти различные образы той Германии и общества, с которыми они столкнулись после войны. Знакомство с Германией позволило сотрудникам выявить в себе то, что в советской среде могло и не стать объектом их собственного внимания. Советский образ жизни и картина мира, насаждавшиеся в 30-е годы, были глубоко манихейскими, амбивалентными, основанными на дихотомии борьбы добра со злом. Ещё в 1934 году, Жданов сформулировал «теорию двух лагерей» о «противоположности между нашей системой, системой победившего социализма, и системой отмирающего, загнивающего капитализма»; в 1947 году эта теория антагонистического противостояния с классовым врагом была провозглашена вновь²⁴. Сама же данная дихотомия

²⁴ См.: Жданов А.А. Советская литература – самая идейная, самая передовая литература в мире: речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 авг. 1934 г. М., 1953.

нашла своё выражение и в сущности разных «оккупаций», о которых было сказано в предыдущей главе. Интеграция, пусть и временная, в общество, принадлежащее к противоположной системе, нарушило функционировавшее до него времени обеспечение «истинности фиктивного мира» (формулировка Ханны Арендт), которым являлся Советский Союз. Советскость теперь противопоставлялась немецкости не только на теоретическом и абстрактном уровне, но и на практическом и конкретном.

Освобождение от насаждаемых стереотипов и предрассудков по отношению к Германии и немецкому населению произошло лишь частично, так как вживание в немецкую действительность несло за собой и трансферт советских реалий в Восточную Германию. Бытовой аспект этого положения подтверждается двумя утверждениями сотрудников СВАГ²⁵.

Неоспоримо то положение, что личное знакомство с западной культурой начало детерминировать её восприятие, влиять больше, чем коллективный опыт советского общества. Мировоззренческое многообразие и либерально-демократические традиции Запада импонировали сотрудникам СВАГ, что приводило к формированию и развитию в сознании советских граждан возможности построения новой действительности. Опыт администрирования в инокультурной среде позволял пользоваться совершенно новыми понятиями и категориями. Другой мир создавал огромное пространство взаимодействия, конструируя при этом новые, специфические повседневные практики.

Оказавшись в Восточной Германии сотрудники СВАГ через свои представления, через образы и отношения других национальных обществ, а не через органы государственной пропаганды смогли судить о том, какое место в

²⁵ «Даже здесь, в условиях оккупированной Германии, где мы не связаны ни жилплощадью, ни пайками, где все буквально - нагнись и подними, даже здесь мы продолжаем жить на советский манер». См.: Климов Г. Указ. соч. С. 235; «Я работал с немцами и старался их воспитывать в нашем духе, но оставалась дистанция, хотя мы жили среди немцев. <...> Мы жили в чужой стране, но собственный мир носили с собой. Оккупация же была. Этот мир пресекался с немецким на уровне культуры, общения с писателями, с литераторами, с художниками и т.д.» См. Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева). С. 135.

мире занимает их страна, как она воспринимает другие культуры на бытовом, а не на государственном уровне, как люди сопоставляют свою систему ценностей с другой и иногда под влиянием последней могли изменять свою.

«Маленький СССР», «советская колония», советская зона оккупации – всё это определения особого мира, сложившегося в 1945-1949 гг. и зависящего от множества самых разнообразных факторов, который демонстрирует нам как различные субъекты выстраивают свои интеракции после глубоких военных потрясений на территории проигравшей страны.